

Идеи Р. Нахтигалья в контексте современной науки о праславянском языке¹

Любовь Куркина

Российская академия наук, Москва

В книге Р. Нахтигалья «Славянские языки» впервые в науке 30-х г. XX в. выдвинут и последовательно реализован принцип иерархии языковых изменений на основе действующих в языке общих закономерностей. Принимаемые Р. Нахтигалем традиционные представления о структуре и развитии праславянского языка претерпели существенные изменения во второй половине XX в. На смену традиционной схемы развития праславянского языка в виде родословного древа приходит новое понимание, основанное на идее изначальной диалектной дробности языка-основы, незамкнутости, подвижности, проницаемости занимаемого им ареала. Исследование Р. Нахтигалья способствовало формированию новых взглядов на праславянский язык и тем самым положило начало нового подхода к изучению процессов, протекавших в исходной системе.

Ключевые слова: праславянский язык, диалектная дифференциация, формирование славянских языковых групп.

В научном наследии Р. Нахтигалья особое место занимает книга «Славянские языки». Эта книга, посвященная праславянской проблематике, впервые увидела свет в 1938 г., вторым изданием книга вышла в 1952 г., в русском переводе с кратким вступлением С.Б. Бернштейна – в 1963 г. Книга, сложившаяся на основе лекционных курсов, прочитанных в университете, опирается на достижения славистики конца 30-х г. XX в. и во многом идет в русле традиционной компаративистики. Это было время, когда в науке господствовал младограмматический подход к изучению языка. Младограмматиками собран и систематизирован большой фактический материал, который стал надежной основой всех последующих исследований праславянского языка. Работы младограмматиков отличает атомарный подход к языковым явлениям, синхронное описание, проекция фактов на одну временную плоскость. Особенности такого подхода нашли отражение в сравнительной грамматике Миклошича, по существу построенной как собрание кратких очерков

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-012-00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении».

отдельных славянских языков: старославянского, словенского, болгарского, сербохорватского и т.д. Синхронный обзор данных отдельных славянских языков представлен и в грамматике Вондрака (Грубачев 2004b:512). Во второй половине XX в. коренным образом меняется парадигма исследования, вводятся новые параметры, открывающие более сложное понимание языковых процессов. Принципы системного подхода к языку, теория волнообразного распространения инноваций, теория языковых контактов, теория субстрата и др. проникают в исследования и определяют новые подходы и новый уровень интерпретации языковых процессов.

Многое из того нового, что входило в науку в первой половине XX в., было воспринято Р. Нахтигалем и вошло в его исследование славянских языков. В книге Р. Нахтигала органично сочетаются традиционные взгляды с новыми идеями, которые постепенно входили в практику научных исследований во второй половине XX в. Новые подходы к пониманию праславянского языка, его истории проходят в книге через анализ фонетики, системы склонения, системы спряжения, акцентологии. Автор исключает из рассмотрения словообразование и лексику, что обусловлено, видимо, слабой изученностью этих сфер языка в первой половине XX в. Видимо, по той же причине отсутствует раздел, посвященный проблеме чередования гласных. Следует заметить, что в первой половине XX в. проблема чередований применительно к славянским языкам была недостаточно разработана, недостаточен был материал по отдельным славянским языкам. Последующие исследования показали, что унаследованные из индоевропейского праязыка модели чередований, в частности чередования *e: o*, сохраняют продуктивность в истории праславянского языка и в силу общих предпосылок в отдельных славянских языках (Кузнецов 1954:27–54).

Праславянская проблематика охватывает много аспектов. Отталкиваясь от книги Р. Нахтигала, мы попытаемся очень кратко остановиться лишь на некоторых аспектах этой проблемы.

Прежде всего остановимся на термине, используемом автором для обозначения языка-основы. Из двух определений исходной системы – *общеславянский* и *праславянский* – Р. Нахтигаль останавливается на термине, принятом в современной науке – праславянский, хотя в первой половине XX в. был более употребителен термин – общеславянский язык (ср. А. Мейе). Со временем произошло разграничение терминов, за ними закрепились разные значения: термин общеславянский стал соотноситься с явлениями, изучаемыми в пределах славянского языкового пространства, с явлениями, распространенными на всей славянской территории или какой-то ее части.

Термин праславянский язык предназначен для обозначения праязыка, лежащего в основе всех славянских языков. Этот термин, определяющий генетические отношения славянских языков, более точно определяет предмет исследования.

Новизна исследования Р. Нахтигала в *системном* и *историческом* подходе к анализу языковых процессов. Р. Нахтигаль отходит от статичного рассмотрения языковых фактов и видит свою задачу в том, чтобы воссоздать процесс развития, проследить взаимосвязь и последовательность изменений в фонетике и грамматике в разные периоды развития праславянского языка. Это придает особое значение исследованию Нахтигала и выделяет его в кругу славистических исследований. Заметим, что проблема развития языка-основы не ставится в таком авторитетном исследовании, каким является «Общеславянский язык» А. Мейе. Как пишет С.Б. Бернштейн, книга А. Мейе – «это не история общеславянского «языка-основы», а только ценное собрание славянских языковых древностей» (Бернштейн 1954:13).

В развитии праславянского языка Р. Нахтигаль различает два периода – доисторический и исторический, в современной терминологии – дописьменный и письменный. Как пишет Р. Нахтигаль, «время, когда славяне говорили еще *более или менее единым языком* (здесь и далее курсив наш) и для которого наиболее существенным признаком был *фонетический закон исключительно открытых слогов*, называют *доисторическим, праславянским*» (Нахтигаль 1963: 38). Следующий период – исторический начинается со времени разгрома авар Карлом Великим (768–814 гг.) и с той эпохи, когда после падения редуцированных появились новые закрытые слоги.

Исследование Р. Нахтигала наглядно показывает, что любые изменения в языке являются отражением системных изменений, протекающих на основе общеязыковых закономерностей. Особенно отчетливо это проявилось в разделе фонетики. Как отмечает С.Б. Бернштейн во вступительной статье к книге, Р. Нахтигаль первым *поставил проблему иерархии* фонетических процессов. В своем исследовании он показал основополагающее значение закона открытого слога. Действием этого закона обусловлены многие процессы, вызвавшие коренные преобразования в строе праславянского языка: упрощение групп согласных, монофтонгизация дифтонгов, возникновение носовых гласных, изменение дифтонгических сочетаний *or, ol* перед согласным в начале слова и т.д. Другой процесс, изменивший облик славянских языков, связан с палатализацией согласных. Со ссылкой на заимствования в плане относительной хронологии процессы II и III палатализации отнесены к эпохе, когда славяне пришли в соприкосновение

с готами (ср. гот. *kaisar* и ст.-слав. *цѣсарь*, гот. **kuning* и ст.-слав. *кѣндзѣ*) (Нахтигаль 1963:70).

Завершение праславянского периода Р. Нахтигаль связывает с утратой сверхкратких в слабой позиции. Такого же мнения при определении границы праславянского языка придерживались Трубецкой, Дурново (X–XII вв.). Утрата сверхкратких привела к возникновению закрытых слогов, что вызвало фонетические процессы, определившие рубеж в истории славянских языков. Как пишет Р. Нахтигаль, процесс утраты сверхкратких начался после IX в. прежде всего на юге. В словенских говорах по данным Фрейз. отр. утрата редуцированных датируется 2-й половиной X в., более длительное время редуцированные сохранялись на севере: в древнерусском языке они употреблялись до XII в. (Нахтигаль 1963:145). Как показали новые исследования, в древнерусском языке падение слабых редуцированных не было единовременным актом, время падения зависело от позиции гласного в слове. В берестяных грамотах 20–40-г годами XII в. датируется падение слабых редуцированных в срединном слоге, в 90-е годы XII в.–10-е годы XIII в. процесс падения неконечных слабых редуцированных проходит свою заключительную фазу; начало процесса падения конечных редуцированных отнесено к концу XI – началу XII в. (Зализняк 1993:103–104).

Концептуально значимым и постоянно дискутируемым остается вопрос о структуре праславянского языка: *был ли праславянский язык единым, неделимым и когда появились первые диалектные различия?*

Основываясь на материале, Р. Нахтигаль не мог не отметить отступления в реализации тех или иных тенденций в разных частях славянского ареала. Он последовательно отмечает такие отступления. Так, упрощение групп согласных *tl* и *dl* > *l* не охватило всей славянской территории, и это, как он пишет, сказалось на диалектных различиях праславянского языка (Нахтигаль 1963:42). В восточной и южной славянских группах произошла ассимиляция взрывного с последующим сонорным согласным. Исключение составляют северо-западные русские говоры и северо-словенские говоры, где *tl*, *dl* изменились в *kl*, *gl*. По новым данным упрощение групп *tl* и *dl* > *l* происходит также в западной части нижнелужицкого языка (ср. *buliś* < *bydliś* ‘жить’), среднесловацком диалекте (ср. *salo*, *mylo*), а преобразование в *kl*, *gl* отмечено и в кашубско-словинской области, в среднесловацких диалектах (ср. *meġlit’*). С палатальной артикуляцией связано изменение начального *je-* перед гласным переднего ряда следующего слога. В противоположность южным и зап.-слав. языкам в вост.-слав. языках (в русской группе) начальное *je-* перешло в *o-*, ср. русск. *один*, *озеро* и ст.-слав. *единъ*, *езеро* (Нахтигаль 1963:74) и т.д.

К перечню диалектных явлений можно добавить обнаруженное в берестяных грамотах и северо-западных русских говорах отступление от последовательной реализации так называемой II палатализации в древненовгородском диалекте, ср. *кѣле* ‘цел’, *кевь*, *кевка* ‘цевка’ и т.п. (Зализняк 2004:42–43).

Р. Нахтигаль соотносит нарастающие диалектные различия с эпохой, близкой к созданию письменных памятников. Предполагается, что процесс миграций, который приходится на середину I тыс., способствовал усилению диалектных различий. Традиционно считается, что в и.-е. эпоху и ранний период самостоятельного развития праславянского языка отсутствовало диалектное членение. В период распада праславянского языка диалектные различия касались частностей, превалировало общее (Бернштейн 1961:50–51). Это означает, что изначальная система была едина, неделима, диалектно не дифференцирована. Эта идея проходит через многие работы. А. Мейе писал о том, что «славянские языки представляют собой продолжение почти единого наречия» (Мейе 1951:1). Х. Бирнбаум полагает, что до 500 г. общий для всех славян язык, хотя и распространенный на значительной территории, «был еще в большой степени однородным», «был еще в высокой степени единообразным» (Бирнбаум 1987:22, 23).

Из идеи относительно поздней диалектной дифференциации вытекает положение об *особом статусе старославянского языка* в кругу славянских языков. По Нахтигалью исходное состояние отражает старославянский язык и один из древнейших памятников – Фрейз. отр. Древний литературный язык, так наз. старославянский язык, именовавшийся *словѣньскъ*, был языком славянских апостолов Константина-Кирилла († 869) и Мефодия († 885), родившихся в Солуни. «Этот язык может служить для нас историческим представителем праславянского языка, так как имеет все его существенные признаки» (Нахтигаль 1963:32). Во введении к книге «Общеславянский язык» А. Мейе пишет: «Общеславянский язык, как бы близок он ни был к историческому периоду, в письменности не засвидетельствован. Но одно счастливое обстоятельство ставит лингвиста, изучающего общеславянский язык, в более благоприятные условия, чем, например, германиста или кельтолога. Лингвист располагает переводами, написанными особым языком, отличным от общеславянского, принадлежащим к южнославянскому типу, точнее – македонскому, очень близкому к типу болгарских говоров. Говор, на который опирался этот письменный язык, язык текстов в значительной мере *тождествен* тому, чем был бы общеславянский язык» (Мейе 1951:7), «формы старославянского языка в большинстве случаев совпадают с восстанавливаемыми формами» для общеславянского языка (Мейе 1951:9–10).

Следует отметить, что старославянский язык не был народно-разговорным языком (Ван-Вейк 1957:17). Он имел статус книжного языка. Язык первых письменных памятников разделяет особенности языков и диалектов восточной части ю.-слав. ареала.

Встает вопрос: в каком отношении находятся с исходной системой современные славянские языки и славянские языковые группы? *Можно ли говорить о прямой связи структуры исходной системы с современной дифференциацией славянских языков?*

Р. Нахтигаль специально не останавливается на этом вопросе, в книге лишь говорится о противопоставлении севера и юга на славянской территории. Это означает, что Р. Нахтигаль следует традиционной схеме деления славянского языкового пространства, по которой вслед за первым разделением исходной монолитной системы на два диалекта – западный и восточный – происходит расщепление восточного диалекта, выделение в его составе южнославянского праязыка и как следствие этого процесса – образование нового противопоставления север – юг. Следующую, третью фазу в перегруппировке праславянских диалектов связывают с процессом сближения южных славян с предшественниками чешских и словацких племен. Соответственно при осмыслении проблемы генетических истоков южнославянской языковой группы акцентируется внимание на производности южных славян от восточных или подчеркиваются преимущественные связи южных и западных славян, и на этом основании строится гипотеза о западнославянском происхождении южных славян.

В подавляющем большинстве работ в системе праславянского языка видят зеркальное отражение современного деления славянских языков. Некая исходная ступень предполагается на плоскости праславянского языка для каждой из славянских языковых групп и даже отдельных языков.

Существенные изменения в понимании праславянского языка и его структуры связаны с расширением материальной базы, с привлечением данных лексического уровня. Это стало возможным благодаря развернувшимся в послевоенное время работам над атласами славянских языков, появлением большого количества диалектных словарей. Большой опыт лингвогеографического изучения лексики, а также работы по реконструкции праславянского лексического фонда, подвели к более сложному пониманию языковых отношений. Сложная мозаичная картина распределения лексических связей показала, что восстанавливаемые по совокупности данных древнейшие изоглоссы имеют более сложную конфигурацию и не укладываются в традиционную схему деления исходной системы сначала

по вертикали на запад и восток, а затем по горизонтали с вычленением двух ареалов – северного и южного.

Ключевым, определяющим для этногенетических построений стало *понимание праславянского языка как системы сложной, развивающейся, диалектно дифференцированной*.

Исследования показали, что диалектные связи имеют разную глубину во времени. При рассмотрении славянской лексики на и.-е. фоне обнаружилось, что отдельные диалекты поддерживали более тесные связи с балтийскими языками, чем остальные славянские диалекты. На IV Международном съезде славистов в 1958 г. В.М. Иллич-Свитыч высказал предположение об особой связи с балтийскими языками болгаро-македонских говоров. Приведенный им материал изолекс позволил сделать вывод об особом положении на древней карте диалектов, лежащих в основе болгарского и македонского языков: первоначально они занимали северную периферию праславянской территории и граничили с балтами (Трубачев 2004a: 291). Эта идея положила начало многим исследованиям, которые показали участие отдельных сербохорватских, а также словенских лексем в изоглоссах с балтийскими языками (ср. лит. *góžti* ‘разрастаться, неуклюже шагать’ ~ болг. *газя*, с.-хорв. *z’zimiti* ‘переходить, наступать ногами’, лит. *kietas* ~ болг. *číтав*, с.-хорв. *чим* ‘целый, невредимый’, лит. *alsúoti* ‘тяжело дышать’ ~ *лэхна* ‘подуть, повеять’, и т.д. (Трубачев I 2004a:293–294). Проблема внутриславянских и собственно словенских лексических связей с балтийскими языками посвящены работы Ф. Безлая (ср. Bezłaj 1967). Новый материал подводит к пересмотру генетических связей, а в ряде случаев намечаются уточнения по линии конкретизации изоглоссных связей внутри славянского языкового пространства (Нимчук 1984:294–313 с литературой).

В процессе исследования славянской лексики встала *проблема выявления древнейшего пласта* в словарном составе отдельных славянских языков (ср. Orłóš 1958:267–283; Radewa 1963:171–199 и др.) и в общем словарном фонде славянских языков. Параллельно в Кракове и Москве развернулась работа по реконструкции праславянского лексического фонда. Принципиально новым стал переход от корневой этимологии, объединения слов в одно этимологическое гнездо по корневому принципу (ср. словарь Бернекера: Berneker 1908–1913) к поискам цельнолексемных соответствий. Этот принцип, введенный в практику исследований Ф. Славским в «Этимологическом словаре польского языка» (особенно 2-й том), стал основополагающим для новых словарей, решающих задачи реконструкции и этимологизации лексики

эпохи распада праславянского языка, – «Słownik prasłowiański 1–8» (Kraków, 1974–2001–) и «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» 1–41– (Москва, 1974–2018–).

Изучение лексики в лингвогеографическом плане и работа над словарями показали более сложную картину распределения диалектных связей и подвели к переосмыслению самого механизма развития праславянского языка. Прямолинейные схематичные построения в духе теории родословного древа, построенные исключительно на данных фонетики, морфологии, уступают место более сложным представлениям о процессе развития, вытекающим из положения о динамичности праславянского языка, незамкнутости, проницаемости занимаемой им территории. «Необходимо считаться с подвижностью праславянского ареала, – пишет О. Н. Трубачев, – с возможностью не только расширения, но и сокращения его, вообще, – с фактом сосуществования разных этносов даже внутри этого ареала, как и в целом – со смешанным характером заселения древней Европы, – далее с неустойчивостью этнических границ и проницаемостью праславянской территории» (Трубачев 1982:12). Праславянский язык, видимо, характеризовала сложная система диалектных отношений, которая неоднократно перестраивалась под воздействием многих факторов лингвистического и экстралингвистического характера (давление субстрата, процессы интерференции и интеграции на смежной территории, факторы культурно-исторического характера и т. п.).

Каждая из славянских языковых групп стала результатом сложного развития, многоступенчатой перестройки диалектных связей, консолидации разных диалектов уже в эпоху, когда славяне окончательно освоили новую территорию. Как показывают последние исследования, западнославянская языковая группа сложилась на основе консолидации трех диалектных групп: чешско-словацкой, лехитской и серболужицкой, причем серболужицкие диалекты, для которых прослеживаются древние генетические связи с юго-восточными диалектами праславянского, лишь на сравнительно позднем этапе развития сблизилась с прапольским диалектом и постепенно вошли в сферу влияния диалектов лехитской группы (Шустер-Шевц 1983:33–60).

Развитие противопоставления на южнославянской территории связывают с двумя потоками славянских миграций, которые шли через Дакию и Паннонию. Углублению различий способствовало и то обстоятельство, что на новых землях славяне испытали на себе разностороннее культурное влияние (в западной части преобладает влияние позднеримской культуры, в восточной – греческой), их развитие протекало в разных системах государственных образований. Противопоставление двух южнославянских ареалов, во

многим обязанные интеграции диалектов в новых культурно-исторических условиях, перекрыло и таким образом стерло более древнюю диалектную структуру южнославянских языков.

Известно, что южные славяне пришли на Балканы и в Восточные Альпы не раньше VI–VII вв. Поддается реконструкции непрерывное развитие одного из идиомов, объединившим словенско-кайкавско-чакавские диалекты (подробнее см.: Куркина 1993:36–46; Snoj 2012:73–91). А. Белич определял этот идиом как «первое южнославянское языковое единство», историческая непрерывность которого прослеживается во времени (Belić 1921). Он положил начало словенскому языку. Для исследования этой группы диалектов в лингвоэтническом плане первостепенное значение имеет книга И. Поповича «История сербохорватского языка» (Popović 1960:гл. I, VII). Факт определенно выраженной неоднородности южнославянской языковой группы были причиной того, что некоторые слависты (Рамовш, Коларич, Копечный, Поржезинский, Ляпунов, Мирчев) ставили под сомнение существование южнославянского праязыка, хотя и допускали, что южнославянские племена до прихода на Балканы некоторое время жили вместе в северной или северо-восточной Паннонии. Опуская разные теории, объясняющие противопоставление западного и восточного ареалов на южнославянской территории, лишь отметим, что не последнюю роль в этом играли процессы миграции. По отражению редуцированных И. Гъльбов предполагает участие трех миграционных потоков, двигавшихся разными путями с севера из-за Дуная, в освоении болгаро-македонской территории: первый поток двигался из той задунайской области, которая контактировала с будущими польскими диалектами, прошел через Мизию и Фракию и занял Родопы и соседние районы; второй поток, более мощный, направлялся из восточных районов задунайской земли, эти племена заселили область к югу от Стара Планина, на запад от Черного моря, далее прошли в Македонию и на юг Пелопоннеса; третий поток продвигался с северо-запада, из Паннонии, по течению рек Тимок и Морава (Гъльбов 1964:227).

Известны прямо противоположные подходы к пониманию истоков вост.-слав. языковой группы: с одной стороны, концепция вост.-слав. единства, единства древнего новгородского диалекта и всего древнерусского, древневосточнославянского языка (Трубачев 1992:48–49), с другой, – концепция генетической неоднородности раннеславянских племенных объединений Восточной Европы, формирования древнерусского языкового единства из гетерогенных компонентов (ср. Хабургаев 1979:226 и след.). На основе анализа берестяных грамот А.А. Зализняк приходит к выводу

о существовании диалекта, не выводимого из традиционно предполагаемого вост.-слав. языка-основы: «в целом древненовгородский предстает как сильно обособленный славянский диалект, отличия которого от других вост.-слав. диалектов в части случаев восходят к праславянской эпохе» (Зализняк 1984:51). Целый ряд специфических «невост.-слав.» признаков, отмеченных в древненовгородском диалекте, объединяет предков новгородских словен и предков кривичей с западными славянами. С.Л. Николаев, продолживший это направление исследований, пишет о том, что диалект, еще не тронутый общевост.-слав. конвергентными процессами, представлял собой особый позднепраславянский диалект, входивший вместе с северными зап.-слав. диалектами в единый лингвогеографический ареал (Николаев 1990:62; Николаев 1994:25).

Вывод о вторичном, позднем сложении русского языка из гетерогенных компонентов, о двух этноязыковых потоках с севера и с юга не принимает О.Н. Трубачев. Он пишет о преемственном развитии праславянского в восточнославянском: «все вост.-слав. языковое пространство в целом целесообразно рассматривать как периферию общеславянского ареала» (Трубачев 2003:275–275).

Как видим, за последние полвека существенно изменилось понимание структуры и развития праславянского языка. Но это обстоятельство не умаляет достоинств книги Р. Нахтигала, работа над которой протекала в 30-х г. XX в. Эта книга не устарела, она стоит в одном ряду с работами А. Мейе, Ван-Вейка и др. и принадлежит к числу исследований, к которым постоянно обращаются слависты. Непреходящую ценность имеют материал, на который опирается исследование, и анализ этого материала. Впервые в книге в таком объеме используются данные словенского языка. Идея системного и исторического подхода, последовательно проводимая Р. Нахтигалем, заложила основы нового подхода к анализу развития языка.

Принятые сокращения

болг. – болгарский, вост.-слав. – восточнославянский, гот. – готский, зап.-слав. – западнославянский, лит. – литовский, общевост.-слав. – общевосточнославянский, ст.-слав. – старославянский, с.-хорв. – сербохорватский; ср. – сравни.

Литература

- Бернштейн, С.Б., 1954: Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков». *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 1. Москва: Наука, 5–23.
- Бернштейн, С.Б., 1961: *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. Москва: Наука.
- Бирнбаум, Х., 1987: *Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции*. Перевод с английского. Москва: Прогресс.
- Ван-Вейк, Н., 1957: *История старославянского языка*. Перевод с немецкого В.В. Бородич. Москва: Изд. Иностранной литературы.
- Гъльбов, И., 1964: Еровите застъпници и българското диалектно членение. *Изв. на Института за български език*. Кн. XI. София.
- Зализняк, А.А., 1984: Наблюдения над берестяными грамотами. Горшкова, К.В.: *История русского языка в древнейший период*. Москва: Издательство Московского университета, 101–108.
- Зализняк, А.А., 1993: Падение редуцированных по данным берестяных грамот. *Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика*. Москва: Наука, 82–105.
- Зализняк, А.А., 2004: *Древненовгородский диалект*. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003. Москва: Языки славянской культуры.
- Кузнецов, П.С., 1954: Чередования в общеславянском «языке-основе». *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 1. Москва: Наука, 24–67.
- Куркина, Л.В., 1993: Паннонославянская языковая общность в системе диалектных отношений праславянского языка. *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов*. Москва: Наука, 36–45.
- Мейе, А., 1951: *Общеславянский язык*. Перевод со второго французского издания. Перевод и примечания проф. П.С. Кузнецова. Под редакцией С.Б. Бернштейна. Москва: Издательство иностранной литературы.
- Нахтигаль, Р., 1963: *Славянские языки*. Под редакцией и с предисловием проф. С. Б. Бернштейна. Москва: Издательство иностранной литературы.
- Николаев, С.Л., 1990: К истории племенного диалекта кривичей. *Советское славяноведение* 1990/4, 54–63.
- Николаев, С.Л. 1994: Раннее диалектное членение внешние связи восточнославянских диалектов. *Вопросы языкознания* 1994/3, 23–49.
- Нимчук, В.В., 1984: Карпато-украинско-южнославянские языковые параллели и тождества (История и перспективы). *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. Москва: Наука, 294–313.

- Трубачев, О.Н., 1982: Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики. *Вопросы языкознания* 1982/4, 10–26.
- Трубачев, О.Н., 1992: *В поисках единства*. Москва: Наука.
- Трубачев, О. Н., 2003: *Этногенез и культура древнейших славян*. Москва: Наука.
- Трубачев, О. Н., 2004a: О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи). *Труды по этимологии. Слово-История-Культура*. Т.1. Москва: Языки славянской культуры, 260–297.
- Трубачев, О.Н., 2004b: Синхрония, диахрония – und kein Ende ... *Труды по этимологии. Слово-История-Культура*. Т.1. Москва: Языки славянской культуры, 511–521.
- Хабургаев, Г.А., 1979: *Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза*. Москва: изд. Московского университета.
- Шустер-Шевц, Х., 1983: Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития. *Вопросы языкознания* 1983/2, 33–50.
- Belić, A., 1921: Les rapports mutuels du serbo-croate et du slovène. *Revue des études slaves* I, 20–27.
- Berneker, E., 1908-1913: *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Bezljaj, F., 1967: *Eseji o slovenskem jeziku*. Ljubljana: Mladinska knjiga.
- Meillet, A. 1924₁ (1934₂): *Le slave commun (seconde édition revue et augmentée avec le concours de A. Vaillant)*. Paris: Honoré Champion.
- Orloś, T. Z., 1958: Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie czeskim. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej* 3, 267–283.
- Popović, I., 1960: *Geschichte der serbokroatischen Sprache*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Radewa, S., 1963: Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie bułgarskim. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej* 4, 171–199.
- Snoj, M., 2012: O jeziku naših prednikov na prelomu prvega tisočletja. Grdina, I. idr. (ur.): *Slovenci v zgodnjem srednjem veku. Zbornik člankov*. Ljubljana: Svetovni slovenski kongres, 73–92.

Summary: Ideas of R. Nahtigal in the Context of the Proto-Slavic Language

In his book, during the 1930's, R. Nahtigal implemented a very systematic and advanced principle of the hierarchy of changes based on the existing linguistic laws, which occurred for the first time in science. The book reflects the traditional views on the structure and development of Proto-Slavic language. With the expanded material, the understanding and the perception of the original language has changed, as well as the basis from which the original idea of dialect differentiation and territory occupied by such dialects arose. The value of the book lies in the origin of a new concept of Proto-Slavic language. It is based on rich material and for the first time, there are data of the Slovenian language contained in such a large volume. The book occupies a special place among the fundamental literature on slavistics.

Key words: Proto-Slavic language, principles of development of the Proto-Slavic language, formation of Slavic linguistic groups